

А.Ш. Кадырбаев

ИБ РАН

«Таджики» Китая: история и современность

Ираноязычные народы современного Китая – Китайской Народной Республики (КНР), именуемые в китайской официальной статистике «таджиками», представлены преимущественно памирскими народностями – сарыкольцами (сарыкули), ваханцами, а также эйну (абдали), пахпу и собственно таджиками. Все перечисленные народы являются потомками древнейшего коренного населения региона современного Китая, где они ныне компактно проживают, а именно юго-запада Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) КНР, прилегающего к горам Памира и Тянь-Шаня.

К концу III в. до н.э. племена, известные в древнекитайских письменных источниках как «юэчжи» (по-древнегречески «ати», по-латински «асии», а также «аттакоры»), возможно, народы сако-скифского круга, вероятно говорившие на древних восточноиранских языках, были главной политической силой на востоке Центральной Азии и северной части Восточной Азии. Владения кочевой империи *юэчжи* простирались от территории Северо-Восточного Китая (западная часть более поздней Маньчжурии) до оазисов Центральной Азии, где ныне СУАР КНР: «Некогда *юэчжи* были могущественны», – говорится в «Ши цзи» («Исторических записках» древнекитайского историка I в. н.э. Сыма Цяня, где локализация *юэчжей* определяется так: «Первоначально *юэчжи* обитали между Дуньхуаном и Цилян-шанем», причём в разделе «Юэчжи» (гл. 128) даётся пояснение: «Сначала *юэчжи* обитали от Дуньхуана на востоке, а от Цилян-шаня на западе...».

В I тыс. н.э. ираноязычное население было наиболее многочисленной этнической группой на востоке Центральной Азии, где ныне СУАР КНР, и говорило на восточноиранских языках, один из которых условно называется хотано-сакским, поскольку письменные памятники этого языка найдены в Хотане и датируются VIII–X вв. [3, с. 32–41]. Вплоть до IX–X вв. население здесь было ираноязычным. Начало тюркизации было положено средневековыми уйгурами, переселившимися сюда после

© Кадырбаев А.Ш., 2010

падения их каганата на Орхоне в Монголии в 840 г. [25, с. 8–30]. При этом, даже на северо-востоке Восточного Туркестана – Турфанском оазисе – во второй половине I тыс. н.э. в тюркоязычной среде бытовали литературно-религиозные тексты (манихейские, буддийские, христианские) на персидском и согдийском языках. Однако тюркизация не коснулась горных районов восточных Припамирья и Притяньшанья, где и сегодня живут упомянутые выше современные ираноязычные народы.

В результате разнообразных тюрко-иранских взаимодействий к концу I тыс. н.э. на территории Туркестана, как Восточного, так и Западного (т.е. в Средней Азии), начинают складываться зоны тюрко-иранского двуязычия. Центрами этого нового, особого культурного тюрко-иранского пространства на рубеже I–II тысячелетий сначала были придворные круги первых мусульманских тюркских династий, создавших свои государства в Восточном Туркестане, северной части Ферганской долины и Семиречье, например, Караханидов с центром в Кашгаре. К этому времени и к этой этнокультурной среде, где появлялось, развивалось и процветало тюрко-иранское двуязычие, относятся упоминания авторов XI в. – Махмуда Кашгарского, Юсуфа Баласагунского, Абулфазла Бейхаки о своеобразной общности, называвшейся «турк ва тазик», «тюрк-у-тачик» (т.е. «тюрк и таджик»). В Восточном Туркестане тогда происходило, видимо, тесное тюрко-иранское взаимодействие, что отразила пословица, приведённая Махмудом Кашгарским: «Нет тюрка без тата (иранца), нет шапки без головы» [22, с. 240].

С V в. н. э. началась массовая эмиграция в Китай ираноязычных согдийцев, чьё царство Согд находилось в регионе Самарканда и прилегающих к нему оазисов. В политико-географическом смысле средневековый Согд – страна в долинах рек Зеравшана и Кашка-Дарья. К VII–VIII вв. по языковому признаку согдийскими считались владения среднеазиатского междуречья: Бухарский оазис (Ань по-китайски), Уструшана (Цао по-китайски), Кеш (Ши по-китайски), Чач с Илеком (кит. Ши-ло), Маймург (кит. Ми) и Самаркандский Согд (кит. Кан). Общим обозначением согдийцев и вообще иранцев по-китайски было слово «ху». Согдийская торговая колонизация Евразии и застенного Китая началась в IV–III вв. до н.э. К этому времени относятся первые согдийские заимствования в китайском языке. В древнейшем согдийском документе, датированном 197 г. н.э., даётся яркая картина широкого торгового освоения Китая времён династии Хань согдийцами от Лояна и Чаньани до Цзюцюани на северо-западе страны (ныне пров. Ганьсу). В округе Цзюцюань было значительное согдийское население, большую часть которого составляли выходцы из Ань (Бухары). Через одного из них, согдийца бухарского происхождения Нахбанда (кит.: Нопаньто), доверенного лица первого тюркского правителя Бумына – основателя в 551 г. Тюркского каганата, китайцы получили первые достоверные известия о тюрках (по-китайски «туцкое», по-согдийски «тюркут»).

К III–VII вв. крупные согдийские колонии существовали по всему Великому Шёлковому пути, в частности у южного берега озера Лобнор возникли четыре города, среди них знаменитый «Пугао-чэн» («Виноградный город»), где в центре цвели виноградные лозы. Сведения о

первых согдийцах в Китае относятся ещё к концу II в., когда они появляются на северо-западе этой страны, в Дуньхуане. Уже в III в. колонии согдийцев прочно обосновались в оазисах Кашгарии, Лянчжоу и, по всей видимости, внутри Китая. К VI в. Согд достиг зенита славы торговой страны, и согдийский язык стал общепризнанным языком международного общения от Мерва до Китая и Монголии [11, с.103].

Правители северокитайских государств «смутного» времени (III–VI вв.) внимали проповедям персидских огнепоклонников, чья вера зороастризм являлась тогда государственной религией Персидской империи Сасанидов. Зороастрийская религия ранее других чужеземных религий появилась в Китае. В Китае зороастрийские культы обозначали специальным словом «Тянь», т.е. «[божества] Небес», или словосочетанием «варварские духи Неба». Первое упоминание о зороастрийских святилищах в Китае относится к 519 г., а к середине VI в. поклонение «варварским духам Неба» проникло даже в придворный церемониал двух царств тогдашнего северного Китая – Северного Ци и Северного Чжоу. Китайские императоры династии Суй, объединившие свою страну после более 300-летней смуты, не последовали примеру своих предшественников, но признали право персидской веры на существование. Зороастрийские жрецы, которых в Китае называли «сабао» или «сафу», получили статус государственных чиновников. Сменившие династию Суй правители династии Тан сохранили этот порядок. Особенными сильными были позиции зороастризма в Лянчжоу на северо-западе Китая. Судя по тому, что танские власти не запрещали китайскому населению Лянчжоу поклоняться «варварским духам Неба», религия Заратуштры не была в северо-западном Китае достоянием только иранцев. Как свидетельствуют данные археологии, зороастризм и позднее исповедовали служившие в Китае персы, а в Кайфэне ещё в XII в. имелся зороастрийский храм, существовавший там с танского времени.

Представители иранских народов были в Китае первыми миссионерами христианства. В VI в. с запада в Китай пришло христианство несторианского толка, известное в танскую эпоху под именем «цзин-цзяо» – «Сиятельное учение» или «Мишиа-цзяо». Первый несторианский миссионер, чьё имя сохранила история (по-кит. Алобэнь), прибыл в 635 г. в Чанъань и встретил при танском дворе радушный приём. «Персидский монах Алобэнь, – говорилось в эдикте 638 г., – издали принёс в нашу столицу Священные книги и изображения... Надлежит исповедовать [это учение] в Поднебесной, для чего соорудить в квартале Инин храм и посвятить в монахи 21 человека». В 745 г. несторианские церкви из «Персидских храмов» были переименованы в «храмы страны Да-Цинь», причём в эдикте упоминались «храмы в обеих столицах и те, что имеются в областях и округах Поднебесной» [12, с. 183; 23, с. 864].

Что касается согдийцев, их многочисленные общины были в столицах Чанъани и Лояне, в степях Монголии и на юге Маньчжурии. Согдийские колонии существовали в Забайкалье, на Амуре и в Приморье. В Лояне в VI в. проживало 10 тыс. иностранцев, тогда как всего в городе насчитывалось 109 тыс. дворов. Подавляющее большинство иностранных

купцов были согдийцами. Известно, что в 717 г. при перестройке города Инчжоу на северо-восточных границах империи Тан для торговых людей из Согда были отведены специальные кварталы. Деятельность и передвижение согдийцев, как и вообще иностранцев, контролировались китайскими властями, но эдиктом 628 г. им было разрешено брать в жёны китайянок, хотя увозить их из Китая запрещалось. В летописи Сыма Гуана под 787 г. сообщается, что все уроженцы «Сиюй» – «Западного края» (т.е. из стран западнее Китая. – *А.К.*), к числу которых относились согдийцы и представители других иранских народов, долго жившие в Китае, имели китайских жён [12, с. 40–43]. Немалая численность и крепкие экономические позиции позволили согдийцам стать заметным фактором политической жизни Китая. Выходец из кокандского купеческого рода Кан Сюань или его соплеменник Хэ Шикай, всесильные временщики при дворах северо-китайских правителей были характерной чертой своего времени [11, с. 101]. Немало согдийцев достигли высот власти в этой стране и оказали заметное влияние на историю и культуру Китая. Согдийцем был выдающийся буддийский мыслитель Фацзан. Из согдийцев было немало проповедников буддизма и переводчиков с санскрита – индийского языка буддийских канонов – на китайский. Ещё до 326 г. среди переводчиков известны три согдийца, наиболее известным из которых был Кан Сэньюань [3, с. 444]. Самым знаменитым согдийцем при Тан был Ань Лушань, согдиец по отцу и тюрок по матери – мятежный наместник на северо-западе империи. Большую известность приобрели и другие военачальники согдийского происхождения, которые возглавили восстание против Тан после смерти Ань Лушаня, а именно его сын Ань Цинсюй, Ши Сымин и Ши Чаои [7, с. 89–100; 37, с. 21–40; 9, с. 78–98, 121–122]. Знатный согдиец Кан А-И Кюль-Таркан (по-кит. Кан А-И Цюй-Даганань), чья биография приведена в китайских источниках, в 742 г. прибыл в Чанъань, бежав с домочадцами из Восточнотюркского каганата ввиду его распада. В каганате он занимал высокие посты, и по прибытии в Китай получил высочайшую аудиенцию у танского императора Сюаньцзуна. Кан А-И Кюль-Таркан занял высокое положение при танском дворе. Двое его старших сыновей Мо-Е-Бо и Ин-Цзюнь отличились в боях с мятежниками Ань Лушаня, а младшие Цюй-Сюй-Ми-Ши и Ин-Чжэн находились в ставке танского правителя. Известно и о жене Кан А-И Кюль-Таркана знатной согдианке из фамилии Ши [8, с. 41–54; 23, с. 1774].

И всё же главным занятием согдийцев в Китае была торговля. В Чанъане и Лояне «хуские лавки»¹ тянулись на целые кварталы. Торговали согдийцы большей частью предметами роскоши: драгоценностями, редкими металлами, дорогой посудой, конями. Нетрудно предположить, как выглядели согдийцы в глазах массы китайского населения. «Они искусны в торговле и бьются за ничтожную прибыль. Едва их юношам исполняется двадцать, как их посылают в чужие страны и они добираются до Китая. Где бы ни появилась выгода, всюду они поспевают» [19, с. 15–25]. Посольства из Согда преподносили китайскому двору разного рода экзотические предметы вроде миниатюрных лошадок, дрессированных зверей, карликов, или загадочных «золотых персиков размером с гусиное

яйцо» – «золотых персиков Самарканда» [19, с. 3–5]. Громкую славунискали согдиец художник Кан Сато и выходец из Хотана, представитель ираноязычных народов Юйчи Исэн, жившие в первой половине VII в. Восторженный приём встретило в Китае искусство иранских народов, их мелодии, песни и музыкальные инструменты. При Тан, особенно с IX в., получили широкое хождение новеллы, повествующие о чудесных подарках и талисманах, преподнесённых китайскому двору посольствами из Персии и Средней Азии, о хранящихся там волшебных реликвиях, о всемогущих хуских магах [36, с. 11–16]. Огромная роль, которую играли согдийцы в эпоху Тан, неоспорима. Они выступали посредниками между Китаем и Персией, как тогда называли Иран, на территории которого до середины VII в. существовала сильная держава Сасанидов. С середины V в. двор китайского государства Северного Вэй принял более десяти сасанидских посольств. Официальные миссии посылали в Персию и китайские правители. Упорно отстаивая свою монополию на торговлю шёлком в ближневосточном регионе, Сасаниды установили с VI в. тесные и дружественные связи с Китаем. Помимо шёлка, составлявшего около 90% торгового оборота, из Китая в Персию вывозили меха, корицу, ремень. Торговцы из «страны Босъ», как называли китайцы Персию, были знакомы им не хуже согдийцев. Именно к сфере иранской цивилизации, в которую входил и Согд, относилась наибольшая часть воспринятых в танском Китае «западных» новшеств. Как уже говорилось, из Персии в Китай проникли религиозные учения – зороастризм, несторианское христианство и манихейство, о котором будет сказано ниже. Позднее – ислам, полюболюбившаяся китайцам игра в поло, некоторые элементы костюма и кухни. Отсюда же пришло понятие семидневной недели, встречающейся на китайских календарях X в. из Дуньхуана. Высоко ценились в Китае расшитые золотыми и серебряными нитями тонкие шёлковые ткани из Персии. О значительном размахе торговли между Персией Сасанидов и Китаем эпохи Тан свидетельствуют найденные на северо-западе Китая, в Чаньани и других местах клады серебряных сасанидских монет VI–VII вв. После завоевания Персии арабами и падения Сасанидов, последний представитель династии бежал в Чаньань, где его приняли с почётом.

Ассортимент товаров, поступающих в Китай из Персии, мало изменился на протяжении веков. Значительную часть их составляли драгоценности и благовония. Персидские купцы, являвшиеся крупнейшими поставщиками камфоры, познакомили китайцев с некоторыми видами лекарственных растений. К другой категории товаров можно отнести продукты ткацкого производства – шерстяные ткани и ковры, асбестовую ткань, тонкие шелка, расшитые золотыми и шёлковыми нитями. Серебряные монеты Сасанидов, драхмы, служили тогда своего рода международной валютой Азии и в VI в., с согласия властей, имели широкое хождение на северо-западе Китая, в Ганьсу. Из Персии в Китай проникли такие культурные растения, как жасмин (не позднее III в.) и огурец (в VI в.).

Большой успех в Китае при Тан имели проповедники манихейской религии, возникшей в III в. в Персии и названной так по имени её пророка Мани. Манихейство представляло сочетание элементов зороастризма,

иудаизма, христианства и буддизма. Спасаясь от репрессий правившей в Персии династии Сасанидов, многие манихеи бежали на восток в Китай. К концу VII в. относятся первые следы их миссионерской деятельности в Чаньани. Манихейство лучше других пришлых религий смогло приспособиться к условиям «Срединной империи». Манихеи прибегали к заимствованиям из буддизма в таких размерах, что буддисты и даже императорские эдикты представляли их людьми, которые обманывали народ, прикрываясь именем Будды. Из даосизма «сыновья Мани» переняли легенду о «превращении варваров», согласно которой основоположник даосизма Лаоцзы, уйдя на запад, положил начало манихейской вере. Часть манихейской литературы даже вошла в даосский канон. Манихейство, смешавшись с китайскими верованиями, вошло в идеологию и обрядность некоторых народных сект и в таком качестве получило распространение на юго-востоке Китая в эпоху Сун [19, с. 40; 33, с. 17, 31; 23, с. 864; 17, с. 397; 12, с. 43–47, 182–184; 11, с. 100–103].

Интересна роль иранских народов в Китае во время правления монгольских завоевателей, в эпоху Юань (XIII–XIV вв.). В это время представители иранских народов – таджики и персы, исповедующие ислам, и асы – православные христиане, выходцы с Кавказа, возможно предки современных осетин, пришедшие в Китай с монголами, стали важным элементом в системе владычества монголов в Китае на протяжении почти двух столетий, проявив себя в экономической, политической, военной и культурной сферах. Достаточно сказать, что язык Ирана – фарси стал в Китае под властью монголов одним из государственных языков наряду с монгольским и китайским. Большинство мусульман, живших в Китае при Юань, пользовались фарси, поскольку среди них преобладали представители иранских народов – таджики и персы. Следы культурного влияния фарси являются некоторые слова, заимствованные китайцами в эпоху Юань, например: баг, бах – сад, *дашимань*, данишманд – мусульманский священнослужитель, *делемииши* (*деэрвиши*, *деэрмиши*) – дервиш, отшельник, *намасы* – намаз, мусульманский обряд, молитва. Хотя некоторые эти термины пришли в фарси из арабского, но в китайский язык они проникли через фарси в юаньское время. Таким словом, например, является *хачжи* (хаджи) – паломник. В «Юань-ши» («Истории династии Юань»), китайском источнике XIV в., в разделе «Тянь-вэнь» («Астрономия») приборы по астрономии носят персидские названия. Подтверждение высокого статуса языка фарси как официального, можно найти на так называемых *пайцзах* – особых знаках отличия, символах государственной власти, которыми обладали юаньские должностные лица. Текст на этих пайцзах, удостоверяющих полномочия их обладателей, написан на трёх языках, в том числе на фарси [35, с. 89, 92–93].

С юаньских времён до наших дней сохранился составленный мусульманами труд «Хуэй-хуэй яофан» («Мусульманские лекарства») в 36 *цзюанях* (главах) на фарси и китайском языках, которые предположительно составляли Ифтихар-ал-Дин и Дин Хонянь, известные деятели юаньской и минской культуры, скорее всего представители иранских

народов. Среди знатоков фарси в юаньском Китае, кроме Ифтихар-ал-Дина, известен его сын Убайдуллах, главный юаньский министр в 1282 г. Маджи-ад-Дин (по-кит.: Машудин). Ифтихар-ал-Дин перевёл с фарси на монгольский язык индийский литературный памятник «Панчатантра» [2, с. 1]. При юаньском дворе звучали и пользовались успехом мелодии и песни на фарси. Путешественник XIV в. из Марокко Ибн-Баттута, побывавший в юаньском Китае, свидетельствует по этому поводу: «Куртай – главный эмир Сина (т.е. Китая. – А.К.)... Мы гостили у него три дня... Его сопровождали музыканты и певцы... Певцы исполнили одну персидскую песню и по приказу сына эмира несколько раз повторили её так, чтобы я запомнил её слова» [4, с. 37]. К началу XIV в. согласно китайским источникам «учёные Хотана, Аравии и Самарканда... устремляются к столице [Китая] и держат экзамены перед уполномоченными на это чиновниками...» [34, с. 292]. Из знатных мусульманских фамилий, служивших монголам в Китае, обращает на себя внимание семья Сейид-Аджала, он же Сайдяньчи по-китайски. С его именем связано переселение части мусульман – персов, таджиков, арабов на юго-запад Китая, в Юньнань. Как сообщает по этому поводу «Юань-ши»: «Много мусульман было в Юньнани. Все знают, что они были потомками людей, которые пришли с Сайдяньчи...» [34, р. 193, 292; 31, цз. 125, с. 1452]. С конца XIII в. крупные общины таджиков и персов появились на северо-западе Китая в городах Ганьчжоу и Сучжоу, на равнине Хуанхэ. Во главе каждой мусульманской общины стоял религиозный лидер – шейх-уль-ислам, он же «хуэй-хуэй тайши» по-китайски. До 1328 г. в Ханбалыке был кади – религиозный судья, что подтверждает наличие в столице мусульманской общины, чьи представители Убайдулла, Темудер и Давлатшах с 1309 по 1328 гг. были главами юаньского правительства. О выходцах из Бухары, живших тогда в Китае, свидетельствует персидский летописец монгольской эпохи Рашид-ад-Дин Фазлаллах: «Некий учёный, по прозвищу Риза, из Бухары, находился при нём (Тимур-каане, императоре династии Юань, внуке и преемнике Хубилай-хана. – А.К.) и претендовал на знание алхимии, белой и черной магии» [15, с. 195]. В последние годы правления династии Юань на поприще китайской учёности известны мусульмане, обладатели учёной степени *цзиньши*, братья Худубудин, Мула-ад-Дин и Хайрудин (см. [31, цз. 196]). Но выходцы из Средней Азии и Ирана не только приобщались к китайской цивилизации. Они сами оказывали влияние на её развитие. Известны градостроители юаньской столицы Ханбалыка или Дайду на месте современного Пекина, предположительно персы Якдар (по-кит.: Ехэйдар) и его сын Мухаммадшах (Махэмашао). Якдару было поручено Хубилай-ханом возглавить строителей и ремесленников из числа персов и таджиков. В 1267 г. Якдар и его люди приступили к строительству новой столицы. Когда строительство было завершено, стены императорского города отделили Хубилай-хана и его окружение от воинов и чиновников, и от горожан, чьи кварталы располагались за внешней стеной (см. [30, цз. 155]). Ранее, ремесленники-мусульмане, три тысячи выходцев из Самарканда основали в 30-х гг. XIII в. город Сымали в северном Китае

и прославили его большими садами, выращенными по типу самаркандских. Китайские источники упоминают о существовании этого города в 1331 г. через столетие после его основания [39, с. 279–369].

Среди представителей иранских народов, достигших высот на поприще китайской учёности, Као Кэгун и Садулла – писатели и художники, творившие на китайском языке; поэты Бегликшах (по-кит.: Белушао), Али Яоцин и его сын Ли Сиын [38, S. 168–171, 192–194, 336–353]. Очень интересна здесь личность Дин Хоняня. Дин Хонянь, он же Юн Гэн и Хэ Шань, прославился и как поэт, он автор стихов «Хай гоцзи» («Дом у моря») и «Фан вайцзи» («О странах вне Китая»). Китайские источники писали о Дин Хоняне, что «он был очень талантлив и высокообразован». Дин Хонянь сохранил своё положение и после падения монгольской династии Юань, когда воцарилась китайская династия Мин (см. [24, цз. 85]). Не менее интересен Као Кэгун, он же Янь Цзин и Фан Шань. Известно его поэтическое произведение «Фан шаньцзи» («Дом в горах»), а в «Избранные стихи династии Юань» включено более 20 стихов поэта [19, с. 246]. Садулла, он же Тянь Си и Чжи Гай, родился в 1308 г. в семье военного. Китайские источники говорят, что «талант его стихов беспределен, а почерк письма весьма искусен» [26, с. 40–42].

Весомый вклад таджики и персы внесли в развитие астрономии, медицины, географии, военных технологий, кораблестроения и мореплавания. Китайские источники свидетельствуют об использовании в Китае в то время мусульманского календаря, поскольку в «календаре Сиюй (т.е. в странах к западу от Китая. – А.К.) пять планет описаны тщательнее, чем в Китае, и поэтому был составлен календарь Мадаба. Мадаба – название мусульманского календаря». Основываясь на этом мусульманском календаре, в «котором периоды солнечных затмений и пути движения звезд отличались от китайских», были исправлены ошибки, накопившиеся в китайских календарях «Дамин-ли» и «Ивэй-юань-ли» [15, с. 88]. Известно также, что исправлением китайского календаря уже позднее, при дворе Хубилай-хана, занимался персидский астроном Джамаль-ад-Дин. Его расчёты и таблицы использовались в системе исчисления времени в Китае с XIV в. Он предложил новый, более точный календарь, известный под китайским названием как «Ваньянь-ли» («Календарь десятилетиячелетного исчисления»). Джамаль-ад-Дин составил трактат «Сиюй-исян» о семи разновидностях астрономических приборов стран, лежащих к западу от Китая [32, с. 400–446]. В уже упомянутом выше разделе «Тянь-вэнь» в «Юань-ши» указываются особенности и методика использования этих приборов [31, цз. 48, с. 528/26480]. В 1271 г. Хубилай-хан учредил Институт мусульманской астрономии, где китайский астроном Го Шуцзин (1231–1316) использовал расчёты, диаграммы и другие достижения среднеазиатских, персидских и арабских учёных, чтобы изобрести свои астрономические инструменты и создать свой календарь «Шоуши-ли» («Календарь времён года или сельскохозяйственных сезонов»). Около восточной крепостной стены юаньской столицы персидскими астрономами была построена обсерватория. Свидетельством деятельности персидских учёных является «Хуэй-хуэй синли»

(«Мусульманский календарь»), ставший достижением юаньской культуры. В 1260–1264 гг. монгольское правительство Китая учредило «Сиюй-синли» («Ведомство по календарям стран Западного края»). К известному юаньским учёным-географам относился таджик Шамсы, автор книги «Сиюй-туцзинь» по географии стран, лежащих к западу от Китая.

Свою лепту внесли мусульмане в развитие юаньской астрологии. Об этом сообщает Марко Поло: «Есть в Камбалу (Ханбалыке) между христианами, сарацинами (мусульманами) и китайцами около 500 астрологов и гадателей» [10, с. 124–125; 11, с. 45]. Хубилай-хан учредил «Тай-и юань» («Императорскую академию медицины»). Монгольские великие ханы относились с большим уважением к медицине как к достойной профессии, и для того у них были основания. По свидетельству современника монгольской эпохи Ан-Насави, «самаркандский глазной врач (каххал) когда-то вылечил глаза неверного (Чингиз-хана. – А.К.) от офтальмии...» [20, с. 86]. В 1292 г. в обеих юаньских столицах – Ханбалыке (Дайду) и Кайпине (Шанду) были учреждены мусульманские медицинские заведения [32, с. 446].

Персы способствовали обеспечению боеспособности монгольских войск. Они были изобретателями новейших для того времени образцов военной техники, прежде всего осадных орудий доогнестрельной артиллерии, использование которых монголами во многом предопределило их победу над китайской империей Сун. В 1271–1272 гг. по просьбе Хубилай-хана, его союзник и родственник Чингизид, монгольский правитель Ирана ильхан Абага прислал к юаньскому двору специалистов, мастеров артиллеристов (*пао-цзян*), умевших изготавливать сверхмощные осадные орудия, персов Исмаила и Ала-ад-Дина. Они сконструировали большое орудие (*да-пао*) и испытали его перед императорским дворцом в присутствии Хубилай-хана [21, с. 210–212, 215, 222–224]. В 1272 г. это орудие было доставлено к крепостным стенам Сяньяна, где Исмаил применил его мощь против осаждённых. «Страшное смятение наступило в городе, многие прыгали со стен и сдавались в плен. Город пал», – сказано в «Юань-ши» в тексте биографии Исмаила, где приводится устройство этого осадного орудия [31, цз. 203]. В империи Юань в 1283 г. было создано специальное «Хуэй-хуэй пао-шоу цзинь-цзян вань-ху» («Управление тумена артиллеристов и мастеров по изготовлению мусульманских камней»), во главе которого за всю историю этого ведомства стояли мусульмане Абу Бакр, Ибрагим, Хасан, Якуб [21, с. 215].

В военной сфере империи Юань – монгольского государства в Китае заметную роль сыграли и другие иранцы – асы, православные и выходцы с Кавказа. Все асы, служившие монголам в Китае, были в первую очередь военными деятелями, а также дипломатами и государственными чиновниками. В «Юань-ши» приводятся биографии высокопоставленных асов в окружении монгольских правителей Китая, большинство их являлись военачальниками императорской юаньской гвардии. Китайские источники сообщают, что на монгольской службе в Китае, в основном в императорской гвардии, находилось 10 тысяч асов. В 1286 г. была официально

учреждена гвардия асов. Асы сражались при Хубилай-хане против империи Сун в Китае и в междоусобных войнах Чингизидов. В 1335 г. гвардия асов сыграла главную роль в упрочении власти Тогонтимура, последнего императора династии Юань, когда разгромила противоборствующие с ним части юаньской гвардии [31, цз. 99, с. 1236, цз. 123, с. 1442, цз. 132, с. 1523–1526, цз. 135, с. 1560, 1561, цз. 138, с. 1586, 1587; 6, с. 84–88).

Без учёта роли и влияния иранских народов Средней Азии и Персидского залива будет неполным освещение культурных и торговых, на суше и на море, контактов монголов и китайцев с другими народами, поскольку посредниками на сухопутных трассах Великого Шёлкового пути между цивилизациями Ближнего и Дальнего Востока были в XII–XIV вв. таджики, а на море персы и арабы. После распада единой империи монголов в 1260 г. и начала войн между Юаньской державой и Улусом Чагатаидов – государством монголов в Средней Азии, Великий Шёлковый путь приходит в упадок и торговля смещается на морские пути, на перекрёстках которых в городах южного Китая процветали колонии мусульман, в основном арабов и персов, в чьих руках с XII в. находилась заграничная торговля Китая. Монголы во многом обязаны мусульманам своей победой над китайской империей Сун. Особенно заметную роль в этом сыграл переход на их сторону начальника китайской таможни в Цюаньчжоу, владельца сотен кораблей Пу Шоугэна, который был персом или арабом по происхождению. Вплоть до 80-х гг. XIII в., теперь уже при монгольском владычестве, как и раньше в 40-х гг. при Сун, Пу Шоугэн ведал заморской торговлей империи Юань со странами бассейнов Тихого и Индийского океанов [1, с. 30–31].

Говоря о культурном влиянии мусульманских иранских народов – таджиков и персов в Китае того времени, следует упомянуть исламизацию северо-запада Китая в результате деятельности правящего там монгола Ананда – потомка Чингиз-хана, принявшего мусульманство, «который учил Коран и хорошо пишет по-тазикски» [15, с. 206–209] (т.е. по-таджикски или среднеазиатском варианте фарси. – *А.К.*), обратившего с 1279 по 1307 гг. в ислам, при содействии местных мусульманских общин, 150 тысяч подчинённых ему монгольских воинов и обитавших здесь тангутов, китайцев и тюрков. Итогом стало формирование нового мусульманского этноса – *хуэй*, говорящих по-китайски, но считающими себя и поныне отличным от китайцев народом², известных в Центральной Азии как дунгане, в этногенезе которых первостепенна роль монгольского государства, но есть и иранское влияние [13, с. 25].

К XIV в. в основном завершилась исламизация региона, известного ныне как Синьцзян-Уйгурский автономный район Китайской Народной Республики или Восточный Туркестан, что происходило под влиянием иранской традиции, поскольку на востоке исламского мира фарси был основным культурным и религиозным языком, преобладая над арабским. Здесь велика роль суфийского ордена накшбандие [5, с. 50]. Начиная с XV в. накшбандие постепенно превратилось в духовное братство, функционировавшее на огромной территории от Каира и Балкан до Гань-

су на северо-западе Китая и острова Суматры в Юго-Восточной Азии и от Поволжья и Северного Кавказа до юга Индии и Аравийского полуострова [5, с. 186–188]. Ходжи, главы накшбандие-ходжаган, в основном таджики из Бухары, к XVII в. распространили свою деятельность на Восточный Туркестан. Это религиозное движение тяготело к экстремизму и вело борьбу за власть сначала со светскими властями мусульманского государства Моголов в этом регионе, а затем, после победы над ними, между собой, расколовшись на две клики – «ак-таглык» («белогорцев») и «кара-таглык» («черногорцев»). Они истощили свои силы в междоусобной борьбе и не смогли придти к единству даже перед лицом общего врага, когда в середине XVIII в. Восточный Туркестан был завоёван маньчжурскими правителями Китая [3, с. 106–113].

В XV–XVII вв. при преобладании среди населения Кашгара и Яркенда памятников на чагатайском письменном языке параллельно бытовали и довольно многочисленные сочинения на среднеазиатском фарси. Так, во второй половине XV – начале XVI в. на фарси писал свои многочисленные трактаты известный суфий, глава ходжей Кашгара Махдум-и-Азам. На фарси была изложена история местных суфиев-увайси и легенда о мазаре Сатука-Богра-хана его продолжателем, ходжой Мухаммедом Шарифом. Широко известная историческая хроника «Тарих-и-Рашиди» Мирзы Хайдара Дулати (Дуглата) в первой половине XVI в., созданная на основе устных преданий моголов и повествующая о могольских ханах Восточного Туркестана, первых ханах Узбекского улуса и Казахского ханства, о правителях и исламизации Кашмира, была, тем не менее, написана на среднеазиатском фарси, а потом уже переведена на тюркские языки. Наконец, созданная тюрком Шах-Махмудом во второй половине XVII в. историческая хроника местной могольской восточнотуркестанской династии тоже была написана им на упрощённом, почти разговорном таджикском. По замечанию историка первой половины XVII в. Махмуда ибн Вали, «кашгарцы говорят и по-тюркски и по-таджикски. На обоих языках говорят без ошибок» [22, с. 242–243]. Традиция тюрко-иранского двуязычия в Восточном Туркестане поддерживалась в XIX – XX вв. Шведский тюрколог Г. Ярринг, побывавший в Хотане в середине XX в., свидетельствовал, что в местных уйгурских школах продолжали учить читать сразу и на фарси, и на чагатайском языке. Студенты, продолжавшие учёбу в медресе, по программе читали с наставником, так называемые «Семь книг», включающие избранные богословские тексты на тюркском, персидском и арабском языках, так что традиция тюрко-иранского двуязычия, хотя бы в образованных мусульманских кругах Восточного Туркестана, отчасти поддерживалась [22, с. 247–248].

Издrevле, одни представители ираноязычных народов составляли постоянный компонент населения в этом регионе северо-западного Китая, другие (большей частью купцы) проживали здесь более или менее долгое время, но фактически на протяжении XVIII–XX вв. являлись постоянной и важной прослойкой городского населения. В городах южной окраины региона давно возникли торговые колонии бадахшанцев,

шугнанцев, патанов (пуштунов) и других «афганцев», говорящих на восточноиранских языках, а также выходцев из Бухары, среди которых преобладал фарси. Известно, что российский военный разведчик и первый казахский ученый Чокан Валиханов тайно проник в Кашгар в 1858 г. под видом бухарского купца.

Что касается коренных ираноязычных народов СУАР КНР, сарыкольцы – единственная памирская народность, живущая только на территории Китая. Они расселены по долинам реки Сарыкол (Ташкурган) и его притоков, отделены от остального мира Сарыкольским, Кашгарским, Ташкурганским хребтами. Сведения о них наука впервые получила в последней четверти XIX в. Сарыкольцы оседлы, их основные занятия – высокогорное земледелие и разведение скота – лошадей, коров, овец, яков, верблюдов, коз. Они исмаилиты, не строят мечетей, но почитают мазары. Предположительно их численность от 10 до 20 тысяч человек. Таджики также проживают в Сарыколе, их численность в КНР составляет чуть более 1 тысячи человек. В СУАР, на стыке границ КНР, Таджикистана и Афганистана, живёт от 2 до 5 тысяч ваханцев. Они также исмаилиты, по типу хозяйства – горные скотоводы, «овцеводы», но занимаются и земледелием. Небольшой ираноязычный народ пахпу был обнаружен в 70-х гг. XIX в. в горах юго-западной Кашгарии. Они близки по укладу хозяйства сарыкольцам и ваханцам. В начале XX в. их было 8 тысяч, но сейчас точные данные отсутствуют. Эйну (абдали) населяют южные склоны Тянь-Шаня и уезды Хотан, Яркенд, Лоп, Каракаш, Янгишар, Янгигисар. Уйгуры зовут их абдали. Данные об их общей численности отсутствуют. Известно, что их больше 1 тысячи человек.

По официальным данным властей КНР собирательным названием ираноязычных народов является этноним «таджики», хотя фактически под этим названием скрываются упомянутые выше ираноязычные народы, в основном памирцы. Общее число этих так называемых «таджиков» по переписи 1990 г. в КНР насчитывает более 33 с половиной тысяч человек. По последним сведениям их число в пределах 45–50 тысяч. В рамках КНР им предоставлена национальная автономия уездного уровня – Ташкурганский таджикский автономный уезд [16, с.56–59].

Таким образом, трудно переоценить значение иранских народов в истории и культуре Китая, прежде всего в танскую и особенно в юаньскую эпохи, тем более и сегодня страны иранского мира – Афганистан и Таджикистан – ближайшие соседи КНР с общей границей, а представители ираноязычных народов и даже целые народы, например, сарыкольцы, являются гражданами современного Китая.

Примечания

¹ В танское время традиционный термин «ху» – «северные варвары» – нередко прилагался к иранским народам.

² Это признаётся официально современным китайским государством, предоставившим им национально-территориальную автономию в рамках КНР – Нинся-Хуэйский автономный район.

Литература

1. *Вельгус В.А.* Средневековый Китай. М., 1987.
2. *Владимирцов Б.Я.* Панчатантра. Петроград, 1924.
3. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религии. М., 1992.
4. *Зотов О.В.* Китай и Восточный Туркестан в XV–XVIII вв. Межгосударственные отношения. М., 1991.
5. *Ибрагимов Н.* Ибн-Баттута и его путешествия по Средней Азии. М., 1988.
6. Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991.
7. *Кадырбаев А.Ш.* Тюрки и иранцы в Китае и Центральной Азии XIII–XIV вв. А.-А., 1990.
8. *Камалов А.К.* Древние уйгуры. VIII–IX вв. А., 2001.
9. *Камалов А.К.* Знатный согдиец на службе у тюрков и Танской империи // Центральная Азия: диалог цивилизаций в XXI веке. Материалы международной конференции. А., 2003.
10. *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.
11. Книга Марко Поло. М., 1955.
12. *Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В.* Китайский этнос на пороге средних веков. М., 1979.
13. *Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В.* Китайский этнос в средние века (VII–XIII). М., 1984.
14. *Кычанов Е.И.* Новые материалы об этногенезе дунган // Советская Этнография. М., 1978, № 2.
15. Материалы по истории Средней и Центральной Азии X–XIX вв. Ташкент, 1988.
16. *Мункуев Н.Ц.* Китайский источник о первых монгольских ханах. Надгробная надпись на могиле Елюй Чуая. Перевод и исследование. М., 1965.
17. *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 2. М.–Л., 1952.
18. *Решетов А.М.* Народность эйну в Китае: проблемы истории и языковой ситуации // XVII научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов. Ч. 2. М., 1986.
19. *Смолин Г.Я.* Антифеодальные восстания в Китае второй половины X – первой четверти XII в., М., 1974.
20. *Усманов И.С.* О писателях и поэтах Китая – выходцах из стран Ближнего Востока, Ирана, Средней Азии // XX научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 2. М., 1989.
21. *Шефер Э.Х.* Золотые персики Самарканда. М., 1981.
22. *Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави.* Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны. Баку, 1973.
23. *Школяр С.А.* Китайская доогнестрельная артиллерия. М., 1980.
24. *Чвырь Л.А.* Обряды и верования уйгуров в XIX–XX вв. Очерки народного ислама в Туркестане. М., 2006.
25. *Ван Пу.* Тан хуйяо (Важнейшие документы династии Тан). Пекин, 1955.
26. Мин-ши («История династии Мин»). Шанхай–Пекин, 1958.

27. *Сагүти Тора*. Монгорудзин сипай дзидайно Уйгуристуан. (Уйгуристан в эпоху монгольского владычества) // Сигаку дзасси. 1943, т. 54, № 8–9.
28. *Се Цикун, Ху Циван*. Чжунго шаошу миньцзу лиши жэнь-у чжи (Сведения об исторических лицах из национальных меньшинств Китая). Пекин, 1985.
29. *Сьма Гуан*. Цзычжи тунцзянь (Всепроникающее зеркало, управлению помогающее). Б.м., 1957.
30. Сьма Цянь. Ши-цзи («Исторические записки»). Пекин, 1928.
31. Сьма Цянь. Ши-цзи («Исторические записки»). Пекин, 1989.
32. *Ту Ци*. Мэнуэр-шицзи («Исторические записки о монголах»). Б.м., 1934.
33. *Юань-ши* («История династии Юань»). Шанхай–Пекин, 1958.
34. Юань-чао-ши («История Юаньской династии»). Нанкин, 1968. Т. 2.
35. *Chau Ju-kua: His Work on the Chinese and Arab Trade in the Twelfth and Thirteenth Centuries Entitled Chu-fan-chi*. S-Peterburg, 1911.
36. *Chen Yuan*. Western and Central Asians in China under the Mongols. Los Angeles, 1966.
37. *Huang Shijian*. The Persian language in China during the Yuan Dynasty // Paper on Far Eastern History, 34, September. Canberra, 1986.
38. *Ishida M.* The Hu-chi, Mainly Iranian Girls. – Found in China during the Tang Period // Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko. 1961, № 20.
39. *Levy H.S.* Biography of An Lu-shan. Berkeley–Los-Angeles, 1981.
40. *Ogel B.* Sino-Turcica Cingiz han ve cindeki hanedaninin turk musavirleri. Taibei, 1964.
41. *Pelliot P.* Une ville musulmane dans la Chine du Nord sous les Mongols // Journal Asiatique, Paris. 1927, № 211.